

Геннадий Волобуев

У парадного подъезда

Продолжение. Начало в «ДиН» №5/2023

Кто делает историю?

Муромцев задумчиво ходил по залу, останавливался у окна и смотрел на улицу. Уличная жизнь не оставляла следов в его сознании. Он думал о своём. Проезжали машины, проходили вечно спешившие куда-то пешеходы, пробегали ребятишки. Только казалось, что виденное увлекло его. Но это было обманчивое представление, он внимательно слушал своего товарища. Вдруг повернулся к Громову и сказал:

— Мы говорим об ошибках великих людей и государства, а сами здесь ни при чём? Считаем себя народом, частью великой его силы, а где наша-то роль? В чём роль народа?

— Женя, ты, как всегда, смотришь в корень. Недавно перечитывал «Войну и мир» уже в третий раз, и мне запала в память такая мысль автора, скажу произвольно, по памяти: «Не Наполеон, Александр Первый, не Цезарь направляли ход истории в то русло, которое мы видим с позиций более позднего, нового времени. Тогда историки и псевдоучёные задним числом приписали им деяния и заслуги, которые они имели косвенно, порой случайно, без того необходимого, осмысленного и решительного влияния. Роль личности, безусловно, велика. Но все процессы будущего взрыва, развала цивилизаций или начала больших войн зарождаются в народных массах. Эти процессы носят объективный характер. Зреют, ускоряются за счёт активной деятельности или гениального мышления отдельных личностей, но всю силу движения обеспечивают народные массы. В конечном счёте плоды славы или ненависти поколений пожинаяют те, кто был на самом вершине властных пирамид и принимал, казалось, собственные, отвлечённые от общих движений и процессов, решения, а только по своему уму или опыту. Историки им в этом сильно помогают». Поэтому народ должен брать на себя ответственность за самые важные события, независимо от своего отношения к ним. Если сегодня тот же народ не доволен современной политикой правительства, то пусть задумается: а какую роль он сам в этом сыграл? Не ходил на выборы, соглашался, потакал, прилеплялся, боялся, держался по принципу «моя хата с краю». Не вникал, не учился, не напрягал

свой мыслительный аппарат, осуждал или хвалил, не думая. Соберём всё это в одно целое и увидим, что это мы сами всё готовим. Сегодня спорим: а нужна ли была Октябрьская революция? Это самый сложный вопрос истории, и на него многие с лёгкостью отвечают «да» или «нет». И коммунисты, и либералы, и те, кто просто по течению жизни считает себя демократами, наверняка будут возвращаться к этой проблеме, углубляться в смысл прошлых событий, искать истину. Это надо для осмысленного движения общества к новой цели.

Алексей Васильевич заметил, что Муромцев как бы начал «ходить по кругу» в своих мыслях. Но он решил выслушать возбуждённую речь товарища до конца. Впервые, пожалуй, Евгений Иванович так подробно и заинтересованно размышлял, постоянно обращался к цитатам классиков, быстро находил нужный абзац в их произведениях. Значит, он не просто вдруг заговорил об этом; видно, что долго работал и думал над тем, что происходит в новейшей истории, в его собственной жизни. Громов встал, сделал несколько свободных упражнений руками, пытаясь размяться, продолжал слушать товарища:

— Говори, говори, я слушаю!

— В России в конце девятнадцатого — начале двадцатого века сложилась своя особая ситуация. Более полувека всё зрело изнутри. Крестьяне были недовольны крепостной зависимостью, помещики и другие владельцы земли считали законными свои владения, царь и правительство находились между двух огней и не могли принять однозначного решения. Даже Александр Второй своими коренными реформами не устроил ни тех, ни других. Интеллигенция, больше умозрительно, ставила свои условия правительству и царю и развязала террор. К тому же — война. Взрыв произошёл независимо от известных вождей и теоретиков. Даже тех, кого позже стали называть авторами и вождями революции. Как и во всяком взрыве, всё разлетелось в разные стороны, и тот, кто успел раньше других оказаться на нужном месте, вознёсся на вершину пирамиды власти. Толстой критически смотрел на кабинетные усердия историков. Он говорил, что они вместе с политиками,

под влиянием действующей власти, расписали так историю, как это было выгодно им. Появились гениальные вожди, вся литература наполнена их именами и деяниями, а народ остался только порохом для новых «фейерверков». Действовала такая пропагандистская сила, такая испепеляющая сознание людей кривда, что шлейф от дыма до сих пор не развеян.

Громов задумчиво молчал. Потом резко поднялся, положил руку на плечо Муромцева и с многозначительной улыбкой произнёс ту избитую в товарищеской среде фразу:

— Женья, подожди минутку, тут без коньячка ничего не понять, я сейчас, — и вышел на кухню.

Через пять минут снял с маленького подноса и поставил на стол бутылку дешёвого коньяка, две маленькие рюмки и плитку шоколада. Торопливо, чтобы не сбить с толку рассуждения друга, налил на три четверти в каждую рюмку терпкого напитка, торжественно произнёс с интонацией популярного героя фильма «Особенности национальной охоты»:

— Ну, Евгений, за Толстого!

Они энергично и демонстративно опрокинули содержимое рюмочек в горячие уста.

Евгений вдруг мечтательно воскликнул:

— Не то: «Ну, Евгений!» Если бы здесь оказался Михалыч (генерал Иволгин — герой фильма в исполнении Алексея Булдакова), он бы прервал наши «умные разговоры» с коньячком и шоколадом и попросил бы полную рюмку или стакан хорошей водки. Тем более что Светлана Алексеевна умеет солить огурчики и угостила бы его своим продуктом. Тогда бы и мысли наши были более практичными.

Алексей и Евгений редко пили водку, только по особым случаям. Громова его слова не смущали, он хорошо помнил тот фильм и понимал иронию друга. Было в сюжете фильма что-то простое и привычное, без прикрас. И время то требовало комичных сценариев, чтобы немного разрядиться от груза девяностых годов. Тем более что главным героем выступал генерал.

— Твой намёк понял. В следующий раз так и сделаем, — Громов продолжил прерванный ранее разговор. — Спасибо, Женья! Ты как-то повернул наши привычные мысли, стандартное мышление в другую сторону. Действительно, мы много отвлекаемся, суетимся, отходим от главного в жизни, оттого и «имеем, что имеем». Мы не ощущаем духовности нашего времени, её нет в масштабах всего народа. Та связующая всех одна главная идея, словно мираж, появляется и исчезает по мере приближения. Не надо обманывать себя словом «патриотизм», никто толком не понимает его глубинного смысла. Но это существенная субстанция нашего сознания. Наш народ, наверное, переживёт какую-то новую «встряску», прежде

чем найдёт свою «нить». Без этого мы никак не можем двигаться вперёд.

Евгений Иванов удивлённо поднял глаза на Громова. В это мгновение зазвонил сотовый телефон Алексея Васильевича.

— Женья, извини, я отвечу. Это звонит Михаил Борисович из Москвы, бывший главный художник района. Михаил, здравствуй! Слушаю тебя! — Здравствуй, Алексей! Как вы там? Что нового в городе и районе? Какие изменения?

Михаил Борисович более сорока лет назад уехал на свою родину, в Москву, где он провёл детство, окончил художественное училище и был направлен как молодой специалист-оформитель в Приреченск. Дружил с Громовым. Последнее время часто звонил ему и дотошно расспрашивал о судьбе своих работ по оформлению города. На стеле в честь Победы и памяти воинов-приреченцев, погибших в годы войны, он выполнил орден «Победа» в технике флорентийской мозаики. Это была сложная и дорогостоящая работа, настоящее искусство на фоне стандартного и дешёвого оформления города в духе пропаганды того времени. Другая работа, тоже мозаика, на стене молодёжного кафе, с образом трубача-корчагинца, сложенная из цветных стальных кусочков, много лет оживляла и радовала глаза прохожих на бойком перекрёстке двух улиц. В то же время Михаил Борисович вместе с главным архитектором работал и установил на въезде в город знак «Приреченск» с горельефным изображением юноши и девушки. Это был знак молодости города. Оставил он и другие интересные работы. Громов с ним не просто сотрудничал, а всячески поддерживал его замыслы и весь его творческий путь. На телефонные вопросы теперь ему было стыдно отвечать. За три десятилетия новой власти почти всё было уничтожено или переделано. Но символ молодого города с небольшими изменениями остался как исторический знак.

— Миша, я тебе вышлю фотографии всех памятных знаков города и района, ты увидишь, что не всё утеряно и тебя здесь помнят. Я позвоню позже.

После такого разговора Алексей Васильевич начал перебирать в памяти обстоятельства и людей, при которых гибла та или иная историческая работа художника. Новая революция повторила ошибки прежней. Но сейчас он должен был слушать близкого собеседника.

Вдруг раздался звонок над входной дверью — это пришёл Иван. Иван был не просто другом Громова и Муромцева, но их связующим звеном. Он дополнял порой характеры обоих простым и понятным отношением к окружающему миру. И друзья чувствовали потребность в общении с ним, особенно когда погружались в путаные рассуждения и не могли найти согласия.

Иван

Иван Васильевич внешне был человеком неприметным. Мало чем отличался от прохожих, если шёл по улице в магазин или гулял по набережной. Раньше ходил в пепке и скромном пиджачке, в последние годы стал надевать на голову вязаную спортивную шапочку, на плечи набрасывал куртку и втискивался в узкие дешёвые джинсы. На ноги, для удобства и полной гармонии с верхом своей одежды, обувал кроссовки. Но всё же едва заметно его отличали от других прохожих взгляд пытливых умных глаз и поведение независимого, но уважительного человека. Он больше походил на учителя, пусть не историка или физика, но в этой одежде — на трудовика или физрука. Если он шёл на встречу с ветеранами в библиотеку или в музей, то выглядел совсем чужим, но не есть интеллигентным человеком и вполне похожим на школьного учителя гуманитарных предметов, одетым в костюм с галстуком и брюки со стрелочками. На ногах красовались недорогие туфли. Непростой был человек Иван Васильевич. Давайте называть его просто Иваном. Для первого знакомства взглянем на него так, как смотрят на человека, который зашёл к вам в гости. Рабочий высокого разряда, по профессии приборист, он занимался на главном предприятии ремонтом приборов, разобрался в электронике, мог отремонтировать телевизор или какую-нибудь хитроумную домашнюю машину. Об автомобиле и говорить нечего. Когда родители продали свой дом в другом далёком районе и переехали жить к нему, Иван купил «Жигули» первой модели. Машина в руках мужчины — не просто осуществлённая мечта. Это новый образ жизни, более прочное чувство самодостаточности и свободы. Общение с ней: управление, ремонт, содержание в привлекательном и даже престижном виде, открытие экзотических мест на природе и среди городов, — создаёт приятную иллюзию железного друга, который тебе всегда поможет. Как он обхаживал эту машину! Жена Лариса даже начала ревновать мужа к ней, как будто он подружился с женщиной. Чтобы как-то гасить своё беспокойство, часто ездила с ним в самые дальние горные районы собирать ягоду и грибы. В рабочей обстановке Иван был твёрдым практиком, а по увлечениям — романтиком. Он любил дальние дороги, но не меньше его увлекло желание одиноко бродить по тайге. Уйдёт один с небольшим рюкзачком, без ружья, только с самодельным охотничьим ножом, поджарит на маленьком костерке сосиску или кусок свиного сала и ложится спать на лапник под большими соснами. Через два-три дня на вопрос: «Где был?» — скупко отвечал: «Да чернику собирал». Но показать ему было нечего, кроме куска чаги или шкурки от гадюки, которую она оставила на влажной траве в период линьки. Иван объяснял, что это

выползка, редко удаётся найти целую шкуру. Человек с загадкой! Но — свой парень: доступный, внимательный, добрый и хороший товарищ. В нём заложен был дух исследователя, изобретателя, путешественника. Политика интересовала Ивана тоже, но он был скуп на комментарии.

Иван был другом Громова, когда-то работал с ним на главном предприятии, активно занимался с ним общественной работой. Потом судьба Громова сложилась так, что он прошёл многие ступени политической и хозяйственной работы в районных органах власти. Два десятка лет работал вначале в руководстве городского Совета депутатов трудящихся (при социализме), и половину этого времени — там же, но уже в условиях рыночной экономики. Если сказать проще — при новом капитализме. Отношения друзей не изменились кардинально, напротив, они ещё более окрепли и помогли Громову «искать правду» и определять верность своих решений и поступков. Внимание Ивана Васильевича к политике, правда, не очень активное, шло частично от влияния Громова, а частью — от повальной политучёбы, лекций международных и множества нужных и ненужных собраний. Но это было до «крутых» девяностых. Десятилетием позже его голова, как и большинства его друзей и товарищей по работе, была заполнена решением бытовых проблем, натужным осознанием происходящего и поиском своего собственного пути в этом хаосе. Помогали природная мудрость и крепкий характер. К Алексею относился с интересом и часто слушал его рассуждения о международных событиях или новостях в стране. Старался не перебивать друга, вникал в смысл его слов, не глядя на него, как бы о чём-то задумавшись. Иногда клал на запястье друга свою руку и говорил:

— И ты веришь этой брехне? Подумай сам!

Громов только удивлённо поднимал на него глаза.

Неразрешённым для Ивана вопросом долгое время была перестройка и всё, что следовало за ней.

— Лёша, ты скажи: мы что, сами рвались вернуться в капитализм?

— Но ты же промолчал, когда в столице разворачивались события конца восьмидесятых годов? И роспуск партии не осуждал. Ты же знаешь, что я хотел перемен, и ты знаешь, что все хотели этого. Вспомни, на митинги и шествия в столице выходили сотни тысяч человек. Партийные организации почти везде не противились тому, что происходит в стране. Были противники Ельцина, но Горбачёва уже никто не поддерживал. Потом ни ты, ни наши друзья пальцем не пошевелили, чтобы остановить падение в никуда. Мы смутно всё осознавали. Если честно признаться, не ты один, я тоже остался сам с собой. Ты же это видел.

Иван в разговорах с Алексеем часто вспоминал свой цех, бытовку, которую называли «коптёркой», где дежурные инженеры-технологи смен подписывали наряды и допуски до работы электриков, приборосты, ремонтников. Маленькое помещение по утрам едва вмещало всех прибывающих. Дым от сигарет вился до потолка, порой скрывая плотной завесой сдающих сменную вахту технологов. Потому рабочие и называли это крохотное помещение «коптёркой». Иван почти каждое утро приходил сюда со своим нарядом на производство работы и, подписав его, уходил в цех заниматься приборами контроля. Через какое-то время здесь вновь собиралась небольшая группа рабочих на короткий перерыв, и бытовка вновь наполнялась дымом. Рабочие и инженеры обменивались новостями, рассказывали об удачной рыбалке или событиях на садовых участках. Такие разговоры часто дополнялись анекдотами. Были среди них и политические, с осмеянием самых высоких руководителей в стране. И живых, и ушедших в историю. Рассказывали артистично, изображая мимикой и жестами то или иное важное лицо. Престарелые лидеры партии и государства вызывали у рабочих много вопросов. Ждали очередных съездов в надежде, что появятся молодые энергичные руководители, которые изменят отношение к экономике, начнут ощутимые реформы. Но этого не происходило. Нехватка товаров, которая постепенно нарастала, невозможность высказать свои мысли, тем более критиковать ошибки или курс партии, стала раздражать рабочих, они, не остерегаясь возможных «стукачей», не упускали возможности в свободное время обмениваться свежими анекдотами. Но это был добродушный сарказм. Никто не затрагивал основ политики, идеологии партии. Её в душе воспринимали как правила уличного движения: «Ходи по правилам, иначе может случиться неприятность». Иван внутренним чутьём начинал понимать, что зреет молчаливый протест у него и товарищей по работе против однообразия и предопределённости, сдерживания мысли, новаторства в управлении государством, против скудости магазинов, качества товаров, против того примитивного быта, который оставался неизменным десятилетиями. Этот протест пока проявлялся в шутливой форме, но заставлял всё больше думать. По прошествии двух десятков лет он стал понимать, почему народ молчал, когда распускали партию, и отказался от главной связующей идеи.

Он попытался объяснить друзьям:

— Я не думал, что страну разрушат, совсем не думал, что будет капитализм. Ожидал, что мы будем делать реформы, освободимся от всяких ненужных наставлений и указаний сверху в хозяйственной жизни, сделаем экономику более свободной, но я совсем не предполагал, что развалит

всё производство и кто-то неизвестный захватит целые отрасли.

Громов рассуждал:

— Они своё, конечно, взяли. Вместе с «друзьями-партнёрами» новоявленные «реформаторы» с помощью всяких чиновников министерств и ведомств быстро растащили всё добро народное. Настоящие-то партийцы остались ни с чем. Даже директора предприятий бездарно потеряли свои проценты от приватизации, не зная, как ими правильно распорядиться.

— Ну и поделом. Только нам-то что?

— Ты понимаешь, Ваня, что все мы сделали большую ошибку. Онемели, ослепли, обессилили, словно под гипнозом, и пропустили мимо себя целое государство. Не о таком мы думали. Но момент истины в этом был. Этот капитализм нам не нужен, он противен нашему духу и всему воспитанию. Но, скажу прямо, не прячась, и социализм в том виде тоже не нужен. Наши плакатные лидеры в восьмидесятые годы совершили большую, скажу прямо, трагическую ошибку. Реформы, примерно такие, как у нас, задумывал Косыгин. В Китае реализовал Дэн Сяопин. Они напрашивались всем состоянием экономики. Жизнь подсказывала, что надо было отойти от системных догм, которые свято оберегала верхушка партийной власти. В том состоянии государство не могло больше существовать: или реформы, или то, что произошло! Не нашлось реального реформатора, а руль оказался в руках дилетанта. Должно быть что-то новое, пусть это называется рыночной экономикой, только чтоб без таких беспредельных хапуг и с работающими законами, что ли. Не знаю, как её назовут, эту экономику, но в ней не будет жадных и бессовестных владельцев дармового капитала, не будет того бюрократизма и уравниловки. Ещё не всё потеряно. А если сказать прямо — все мы «задним умом богаты». Надо понимать, что народ на протяжении многих веков не был самостоятельным, ни до тысяча девятьсот семнадцатого года, ни после. Не было той свободы, о которой мечтали революционные демократы.

Века сближают

Друзья часто встречались на квартирах друг друга. В очередной раз они сидели втроём у Громова. Муромцев по привычке начал разговор с философских рассуждений. Не имея системных знаний по этому предмету, как и по другим гуманитарным наукам, он давно пытался глубже познать суть происходящего в стране. Постоянным самообразованием, чтением Евгений Иванович навёрстывал упущенные в молодые годы знания. Покупал книги древних философов. Особенно выделял Платона, его «Государство». Перечитывал «Политику», «Метафизику», «О душе» Аристотеля. Много чего нашёл в трудах самых ранних

философов, в мыслях мудрецов, мог по хронологии из сочинений Диогена Лаэртского и его представления о школах вспомнить Солона с Анахарсисом, Сократа с Анаксагором и Архелаем, Платона и Аристотеля, Зенона и Пифагора, Гераклита и Эпикура. На его рабочем столе можно было часто увидеть книги из многотомной серии «Философское наследие». Читатель уже заметил, что Евгений Иванович часто цитировал писателей и мыслителей, подкреплял этим свои собственные мысли и выводы. Последнее время он с одержимостью рылся в книгах, что-то записывал на память, пытался связать воедино свои знания, чтобы сделать личный вывод из того, что происходило в его жизни, близкой и далёкой, в окружающем его мире. Муромцев искал интеллектуальную отдушину в общении с друзьями.

Громов также почитывал философские трактаты, чтобы ещё раз восхититься мудростью древних. Он сожалел, что в своё время потратил много времени, духовных и физических сил на многочисленные политические источники, допущенные советской цензурой. Чувствовал и замечал по книгам, что есть параллельный мир самой глубокой мудрости и объективных знаний. Но времени на всё критически не хватало. Теперь он гнался за «ушедшим поездом» и пытался зацепиться хотя бы за последний «вагон». Громов хотел убедить своих слушателей, что мысли древних, особенно Аристотеля, заслуживают внимания и сегодня и что простым людям иногда надо обращаться к трудам философов, дабы не думать, что классики марксизма были умнее их и всё сказали за всех. Но подходил к этому критически, отыскивая более верный путь к познанию. Сверял порой события сегодняшнего дня с тем, что оставили в памяти мыслители. Примером для сравнений были жестокие превратности судеб исторических лидеров — героев книг Плутарха. Ошибочные и самонадеянные поступки демократов, олигархов, тиранов, различных стратегов, царей, стоявших когда-то на вершине власти, бросали их на дно истории и в забвение. Редкие имена всплывали и оставались в памяти народов. В чём были их ошибки? Только через века это сполна можно было осознать. Современность не всегда столь ясна, чтобы делать быстрые выводы и принимать выверенные решения. Для этого нужны глубокие знания.

Оценивая устремления новых владельцев капитала и одиозных политиков от их клана, Муромцев заметил:

— На этот счёт ещё четыреста лет назад хорошо сказал Фрэнсис Бэкон.

Евгений Иванович достал из бокового кармана пиджака записную книжку и, полистав, нашёл нужную страничку:

— «...Всё то, к чему стремятся в угоду своим страстям эти новые хозяева жизни, уже оставлено

многими другими, которые на протяжении почти всех веков, убеждаясь на опыте в тщетности своих желаний, отбрасывали и отвергали их».

Иван подошёл к Муромцеву, посмотрел на него смешливыми глазами и сказал:

— Ты думаешь дожить до этого времени, когда новые буржуи отбросят или отвергнут, как сказал твой Бэкон, нынешнее положение, свои амбиции? Фига с два, не дождёшься. И вообще, забудь своих философов. Давай прощ.

— Знаешь, Ваня, совсем просто сказал задолго до Бэкона Владимир Мономах.

Муромцев, улыбаясь, вновь полистал свою книжечку и прочитал:

— «Паче же всего гордости не имейте в сердце и в уме, но скажем: смертны мы, сегодня живы, а завтра в гробу; всё это, что ты нам дал, не наше, но твоё, поручил нам это на немного дней».

— Женя, ты просто ходячая энциклопедия. Хорошо, что ещё не носишь с собой в рюкзаке собрания сочинений. Извини, я по-доброму, с уважением к твоим поискам и тому беспокойству, которое ты проявляешь к жизни, её течению через всех нас. Если бы каждый задумывался над тем, о чём ты говоришь, да и в целом о том, что нами движет, к чему стремимся, наверное, меньше было бы ошибок. Раньше как-то было всё понятнее. А может, только казалось так?

Муромцев задумался. То, что он читал десятки лет, особенно многое в последнее время, не давало ему покоя. Он находил в интернете и новых печатных источниках те сведения, о которых даже не догадывался. Прояснялись многие вопросы, на которые не находил раньше ответа. Официальная литература обходила их или покрывала туманом заумных, а чаще — общепринятых шаблонных выводов. Он замечал, что чаще стали выступать на сайтах интернета и в социальных сетях не только учёные-историки или философы, но и обычные любители порассуждать. Бесчисленные блогеры так уверенно толковали населению о своём представлении развития политических процессов в стране и мире, будто за ними стоят целые институты с кафедрами ведущих независимых учёных. Это создавало полный хаос в головах неподготовленных читателей. Кто-то занимал категоричную позицию в спорах с друзьями, утверждая идею «сильной личности», способной навести «железный» порядок. А кто-то поддерживал линию либерал-демократов, принимая «ценности» западного мира. Это брожение умов требовало времени, чтобы слиться в национальную идею, способную увлечь большинство населения страны. Тогда оно могло бы по праву называться народом великого государства.

Муромцев искал более основательные научные источники. Потому говорил осторожно, повторял ранее сказанные мысли, стараясь быть понятным:

— Вспомним Великую французскую революцию, вспомним жертвы и результат нашей, российской. Нелишне будет поразмыслить над уроками восстания декабристов, проектом конституции Пестеля. Побуждая народ к освобождению от крепостного права, дворяне-офицеры полагали, что сделают это быстро и правильно. Только понадобилось несколько десятилетий осмысленной работы видных передовых умов, чтобы сделать первый реальный шаг — реформы Александра Второго. Но вместо продуманных, взвешенных действий по отладке этого механизма после тысяча восемьсот шестьдесят первого года нетерпеливые революционеры навязали народу непрерывные террористические акты и привели в конечном счёте к насильственной смене власти. Это было похоже на фанатизм. Что получили? Почти вековое преодоление своих ошибок через невероятные трудности, неготовность обеспечить стране экономическое превосходство над своими противниками. В конечном счёте почти ни одно рождённое насилием социалистическое государство не выжило. О миллионных жертвах такого эксперимента «новые революционеры» предпочитают помалкивать или напористо защищать былые ошибки, оживлять старые лозунги. Чем они убеждают народ? Что предлагают нового и как сами действуют?

Вопрос не по сути...

Евгения Ивановича прервал Алексей, обращаясь к Ивану:

— Ты знаешь, Ваня, а может, сам слышал, те, кто наследовал «руководящую и направляющую» партию, и тебя, и меня называют предателями.

Иван весь сжался, чуть пригнулся, будто разъярённый кот, которого безжалостно дразнят. Можно было подумать, что он сейчас набросится на Громова с кулаками. Такого Ивана друга ещё не видели.

— Мы, конечно, были не ангелами с белыми пушистыми крылышками, — с придыханием и срывом голоса начал он, — менялись вместе с «линией партии», поддерживали, не задумываясь её политику.

Алексей Васильевич на шаг отступил от Ивана: — Да успокойся ты, мы же все понимаем, что не могло быть иначе. Власть была жёсткой, организованной, мы ей верили, было движение вперёд. Когда жизнь стала лучше, мы начали «протирать глаза», стали замечать то, на что раньше не обращали внимания. А что касается «предательства», пусть останется на совести новых партийцев, которые вдруг стали преемниками той большой, по сути — государственной, партии. Они, конечно, «герои», показали всему миру, как можно промолчать, спрятаться, а когда всё улеглось, стряхнуть пыль с тех знамён, с которыми побеждал весь народ, и заявить о своём равенстве с той партией,

стать её преемницей. Думаю, что это совсем другая партия с новыми заблуждениями. Вряд ли у неё хватит идейных и физических сил сделать общество социальным-справедливым.

Муромцев продолжил рассуждения друзей: — Ты прав, Алексей, ничего общего у них с ней нет: ни былой организованности и боевитости, ни теоретической глубины, ни осознания коренных ошибок, кроме пожизненного чувства вождизма и несменяемости. Это старо-новые партийцы, которые получают высшие награды государства из рук главного своего оппонента.

Громов поднялся со стула, подошёл к стеллажу с книгами и, глядя на корешки томов, тихо и задумчиво произнёс:

— Хотел бы я сказать, что их суждение больше походит на реакцию обиженных детей, но воздержусь.

Он посмотрел на Ивана, который поднялся из-за стола и встал в нескольких шагах от Алексея, делая таким образом ему знак, что хочет услышать, что он об этом думает. Алексей Васильевич продолжил: — Не хочу никого обижать взаимным обвинением, потому что в эту партию вошло много простых доверчивых людей, воспитанных на лучших исторических примерах. Это люди, которые самозабвенно работали, проявляли героизм, преодолевали невероятные трудности, и в их душах осталась не просто память о прошлом, это была их жизнь, менять которую они уже не могут и не хотят. И знаешь почему? Вспомни свою молодость, вспомни те фильмы и песни. Что они воспитывали в нас? Народ называл это романтикой. Романтикой достижений, побед, преодоления трудностей. Это впиталось в нашу кровь и души. И никуда не денешься, не спрячешься от себя же. Общество становится другим, а они — нет. Эти люди сохраняют себя в том образе. Но не всё так просто и понятно. И Павел Корчагин никуда не делся. Он незримо живёт в душах, его сердце ищет выход к нам. Жизнь не перечеркнёшь, она одна, но проходит многие периоды в разных условиях. Эти люди, наши бывшие друзья и коллеги, в чём-то правы. Не будем их отторгать ни в сознании, ни в жизни. Я хорошо знал многих, мы с ними соревновались, вместе ходили в походы, на субботники, спорили на одних же собраниях. Почему они должны ломать себя? Вспоминаю их, как будто только что встретился. Ты же знаешь Строгова Василия Ивановича? Бывший каменщик, классный мастер своего дела, ему не было равных. Если надо, он выходил в сорокаградусный мороз на работу, вёл за собой бригаду, его выработка при этом оставалась самой большой на стройке. Это поднимало дух всего коллектива строителей. И город рос на глазах. Надо ещё понимать, что трудности были объективные. Много начинали с нуля. Особенно после войны. Этот энтузиазм,

оптимизм, вера в лучшее будущее были просто необходимы, чтобы побеждать, достигать новых высот, созидать. Это было важно ещё потому, что нам угрожал ядерным оружием, бомбардировкой наших городов новое правительство бывшего главного союзника по Второй мировой войне. Это был очень существенный стимул работать много и быстро. Не один Строгов был такой. А возьми бригады женщин-штукатуров. Не слышал, чтобы они ныли, отказывались работать в холодных помещениях. Но требовать с начальства — требовали. Заставляли их создавать лучшие условия. А на главном предприятии тот же Павел Морских не только постоянно перевыполнял, в общем-то, напряжённые нормы, но и включил в состав бригады Героя Советского Союза, погибшего на войне, и дополнительно ребята выполняли его норму. Вы знаете, если бы у них не было такой особенности души, то и работали бы они без напряжения, зарабатывали своё. Короче, романтики они были и вели за собой таких же романтиков. У них особое отношение к жизни было, и они относились к быту и всем мирским благам свысока, с высоты своих душ. И потому нипочём им были всякие трудности. Поэтому люди, верные той жизни и добрым представлениям о ней, заслуживают уважения. Не надо их унижать или осуждать. Но весьма сомнительно поведение нынешних партийных руководителей. Опять пожизненный вождь, возврат к тому, что народ давно осудил по совести и по своему разумению, А предателями можно назвать кучку руководителей той партии и тех, кто без ума и совести строит новый капитализм с «нечеловеческим лицом». Никакие они не оппозиционеры — обычные приспособленцы! Вводят в заблуждение нормальных людей, особенно молодёжь, которой надо определяться с ценностями жизни. Ведут себя робко, оглядываясь на действующую власть. Не видно их предметной активности и на местах. Проповедуют старые догмы. Давайте говорить прямо: кто виноват в разрушении страны? Да та самая монополярная партия! Она уверовала в свою силу и истину, о которой постоянно твердила народу на государственном уровне. Я же видел, как люди начали сомневаться в её политике, как появлялось всё больше трезвомыслящих рабочих, инженеров, разочарованных и в «мудрых» мыслях, и в «мудром» руководстве. В конце восьмидесятых всё это вылилось в экономический кризис и мощный всеобщий протест. Народ сам, своей волей, решил судьбу партии. А не отдельные «предатели».

«Кафтановская заимка»

Чёрная «Волга», вгрызаясь в шоссе шипами, отбрасывала в пространство металлические звуки, похожие на те, что исходят от быстро вращающейся стальной цепи на зубчатом валу. Служебная

машина первого должностного лица области шла на предельной скорости в сторону Приреченска. За ней не было милицейского сопровождения, как это стало обязательным в начале девяностых годов. В машине, на переднем сиденье, вместе с водителем средних лет сидел человек плотного сложения с обнажённой и почти лысой головой — главный партийный руководитель области Пётр Семёнович Ферзин. Это был авторитетный, уважаемый партийный лидер региона, собравший эффективную команду своих заместителей и заведующих отделами главного областного политического штаба. Он доверял своим коллегам и давал им больше свободы действий, чем это было в соседних областях. Поддерживал ценную инициативу и не показывал окружающим, что его волнует престиж. Публично проявлял скромность. А если и что было личного, то он старался делать так, чтобы никто не мог упрекнуть его в нарушении норм партийной жизни. Утечка информации в основном исходила от близких женщин, которые пользовались своими портными, парикмахерами, имели «доверенных» врачей и источники особого снабжения продуктами. Люди считали, что руководителю такого ранга это позволено, хотя и злословили при каждом удобном случае. В области на глазах росли корпуса новых гигантских предприятий, отстраивались сельскохозяйственными комплексами бескрайние просторы. Но самую большую радость население получало от ввода в эксплуатацию новых культурных центров: театров, музеев, спортивных комплексов, филармонии. Казалось, что жизнь в области достигает какой-то вершины, которая в скором времени сделает жизнь всех намного счастливее, богаче, спокойнее в том смысле, что забот и тревог станет меньше, а радости от всего прекрасного и долгожданного всё больше. Все дети будут ходить в детские сады, в школах станет просторнее, и учёбу организуют в одну смену. Это было совсем непросто сделать. Людей только начали переселять из ветхого жилья и коммуналок в панельные пятиэтажки, приводили в порядок городские территории, дороги. Строили школы и больницы. Этот процесс набирал силу, размах, и все с надеждой ожидали, что дойдёт очередь до каждого. Много чего сулили гигантские стройки и тот энтузиазм молодых, которые строили своё «светлое будущее». Только в воздухе еле заметной струйкой уже витало тонкое, ядовитое выделение, оно расплозалось в пространстве, словно жёлтый дым над главным проспектом областного города из труб химических комбинатов. Не ищите его глазами, не пытайтесь ощутить обонянием, оно незримо, оно исходит от начавшегося разложения душ ответственных больших и малых руководителей. Это воображаемое выделение уже чувствовали немногие умные головы в среде молодых партийных и комсомольских руководителей,

творческой интеллигенции. Но первыми стали замечать это явление всеведущие рабочие, без которых не обошлось ни одно рукотворное дело, тем более поступок своего начальника. Ферзин быстро сделал карьеру и в свои сорок пять лет нутром чувствовал, что надо больше заниматься хозяйственными вопросами, не задерживаться всерьёз на партийной пропаганде, той беспредметной политике, которая крутится в одном направлении вокруг незримой оси и ведёт в никуда. Культура, спорт, патриотическое воспитание, хорошая семья, хорошая литература, личный пример воспитанных, умных руководителей вокруг него сделают то, чего идеологическим рвением не достичь. Он был доступен населению области, выступал редко, но конкретно и доходчиво. И всё же был сыном своего времени. Того времени, когда в стране стали заметно накапливаться большие проблемы. Никто из коллег Ферзина не говорил о них так, как говорили в народе, прямо и честно, но с оглядкой на власть. Инерция мышления побеждала свежие мысли и идеи, старалась не замечать «отдельные недостатки», руководство партии боялось реформировать экономику, ставить на прагматичные рельсы идеологию, потому что в таком случае неизбежно надо было затронуть основы сложившейся политической системы. Поэтому у многих руководителей нарастало скептическое отношение к реальности, к тем догмам, которые связывали инициативу, сдерживали всё более растущие потребности народа.

В Приреченск Ферзин ехал отдохнуть и поговорить с руководителями района и главного предприятия, не афишируя своей поездки. К тому же был выходной день. Солнечное весеннее утро радовало глаза и душу партийного лидера области, полные дни, а порой и ночи которого были заняты решением важных проблем, общением с бесконечным количеством людей, нужных и не очень. Его начинала давить формальная обстановка кабинета, приёмной, длинных коридоров с мягкими коврами, закрытыми дверями с бронзовыми табличками, по которым робкие посетители могли найти нужного чиновника. Такая обстановка делала своего хозяина частью этого окружения: угловатым, больше похожим на старую тяжёлую мебель с инвентарными номерами под столешницей или за дверью шкафа. Вся атмосфера административного здания выталкивала обитателя на свежий воздух. Счастливыми днями были поездки в районы, через поля, перелески, небольшие мостики и придорожные деревеньки. Дорогой можно подумать, увидеть что-то новое, отметить в уме замеченные следы бесхозяйственности и просто на время отвлечься от повседневных забот. Природа области располагала к этому.

Уподъезда главного административного здания районного центра Приреченска его встречали

первый секретарь райкома и председатель исполкома городского Совета. Приезжих «приветствовала» поднятой рукой бронзовая статуя вождя пролетариата. Руководители города поспешили подойти к открывающейся дверке чуть запылённого автомобиля.

— Доброе утро, здравствуйте, Пётр Семёнович! — приветствовал гостя первый секретарь горкома партии. — Как доехали? Хороша ли дорога? Пётр Семёнович, может, вы обратили внимание, проезжая совхоз, что там достроен корпус для крупного рогатого скота? Кстати, директор совхоза, Ермолай Степанович ждёт вас в гости, очень хочет показать новую партию коров чёрно-пёстрой породы, которую доставили нам на прошлой неделе. Он приедет к нам попозже, обещал угостить молочным поросёнком, приготовленным на вертеле. — Конечно, посмотрю! Из духовки — пробовал, а вот с вертела — не знаю, какой он на вкус. Так как разговор зашёл о поросятах, хотел бы узнать: говорят, у вас на звероуголке, или в зоопарке, как угодно, есть настоящие дикие кабаны? Охотники мне рассказывали, что в здешних местах когда-то водились дикие кабаны, но давно уже всех истребили. Это правда?

— Да, это так, — ответил председатель исполкома. — Пётр Семёнович, если позволите, мы обязательно поговорим об этом позже, нам есть что предложить, а пока я приглашаю вас посмотреть главное предприятие, директор ждёт у себя.

Главное предприятие располагалось у подножия хребта, покрытого сосновым лесом. Лес подходил почти к забору обширной площади. Когда машины остановились неподалёку от проходной, партийный лидер района осторожно взял гостя под руку, отводя его метров на десять в сторонку от всех приезжих, и сказал:

— Мы можем связаться с Ригой, где заказывали кабанов для звероуголка, и привезти сюда на развод. Надо взять пару секачей и несколько самок. А вольеры можно сделать вон там, — он показал на место у подножия горы. — Можно и вышку для охоты поставить...

— Спасибо за информацию, очень интересно, потом поговорим...

Через две недели они сидели в комнате отдыха кабинета Петра Семёновича в областном центре. Помощник достал из холодильника бутылку «Столичной», нарезал тонко слоёного сала, разложил его на ломтики чёрного хлеба и вышел из кабинета. Пётр Семёнович начал хвалить сало, которое во время визита в Приреченск принёс ему в машину директор совхоза Ермолай Степанович, потом заметил:

— Я думаю, мясо диких кабанов будет не менее вкусным. Собственно, не это главное. Наша работа требует разрядки, активного отдыха, даже

некоторой положительной встряски. Дикие кабаны — это как раз то, что нужно! Давайте подумаем, как всё это сделать.

Он налил в хрустальные рюмки по полной холодной водки и сказал короткий тост:

— За нашу область! Её людей, природу и настоящих друзей!

Ферзин мог говорить эти слова уверенно, в его биографии раньше не было ничего такого, что смущало бы его совесть, казалось неоткрытым. Но людям свойственно ошибаться или под прессом обстоятельств, служебной нагрузки допускать ошибки, расслабиться, забыть на время о принципах. Только время судит и расставляет всё по местам. Уместным будет заметить, что через сорок лет ему в областном центре совсем не коммунистическая власть поставит бронзовый памятник в полный рост. Мы же наблюдаем с читателями за течением жизни в том состоянии, какой она была.

Кабанов доставили самолётом, территория леса в несколько гектаров была огорожена высоким забором из сетки рабицы, построен охотничий домик, больше похожий на придорожное кафе с отделкой качественной вагонкой из кедра. На втором этаже разместили две небольшие спальные комнатки. Метрах в пятидесяти от дома охотника поставили на небольшой поляне вышку для отстрела кабанов. Так было задумано в проекте. Негласным хозяином там был только один человек. Может, ему помогал кто-то из местных руководителей или хороших охотников. Тайна соблюдалась строго. Вся эта затея больше походила на баловство «большого мальчика». Он что-то не подумал за важными бумагами и речами, за строгими постановлениями родной партии о мнении народа. Да и многие его коллеги в то время переставали об этом думать: строили богатые дачи, брали «задешёво» в спецмагазинах качественные продукты и дефицитные промышленные товары зарубежных фабрик и постепенно отдалялись от простого народа, выращивая свой особый класс новых властителей жизни. Такое стремление к выделенной от народа жизни растекалось по всей огромной стране. То подобие уравниловки, которое было одним из важных принципов социалистического общества, не давало морального права большим руководителям получать и большие компенсации за свой труд. Свободно и просто распоряжаться своим временем, иметь достаточно средств, чтобы независимо от мнения обывателей, завистливых сослуживцев или контрольных органов отдыхать, заниматься на досуге любимым делом. И делать всё это легально, за свои средства и ни от кого не зависеть. Они больше походили на солдат или офицеров на воинской службе. Кто-то из многих мог позволить себе такую жизнь, но не все. Поэтому скрытым образом пытались получить то,

что осуждалось в народе. Если крупных партийных или советских руководителей на всю страну можно было сосчитать за несколько минут, то число бюрократов, занимающих высокие посты по службе и имеющих свой персональный скрытый доступ к народным благам, было велико. Равенства не получалось. И того материального благополучия для всех — тоже.

Досужие охотники своего района сразу заметили засекреченный объект, следили негласно за его строительством, узнавали от знакомых, что и зачем там делается, и прозвали объект «Кафтановской заимкой». Если помните, было такое хозяйство описано в книге Анатолия Иванова «Вечный зов». Главным итогом «охоты» стало проникновение в девственную, чистую духовно атмосферу «коммунистического города» и передового района того ядовитого выделения, которое начало проникать в сознание и настроение его законопослушных граждан.

Вопрос, может, самый важный?

Алексей Васильевич остался дома с женой, Светланой Алексеевной. Она пошла на кухню — готовить ужин, он попытался ей помочь, но получил решительный отказ:

— Пойди отдохни, я сама справлюсь. Позову, когда будет готово.

Громов в нужную минуту мог приготовить сам ужин или обед по сокращённому варианту. Он любил жарить в разных видах картошку, делать из неё драники на сливочном или подсолнечном масле, иногда на свином сале. Алексей умел тонко шинковать свежую капусту и готовить салаты. В студенческие годы, когда путешествовали со Светланой, изобрёл новое блюдо — суп, запавленный плавленым сырком, мелкими морковными кубиками, горстью макарон и дымом коистра. О нём иногда вспоминали и вновь готовили, когда с друзьями ходили на поляну отдыхать.

Студенческий суп также напоминал им и первые месяцы их семейной жизни в цокольном этаже деревянного дома, где они снимали угол на кухне у пожилой женщины Варвары Тимофеевны. Тогда они оба заканчивали институты, и общий доход слагался из двух стипендий.

— А помнишь, когда я приходил с занятий и заглядывал в нашу единственную кастрюлю? С жадностью поглощал куснятину, приготовленную тобой. Ты, может, не веришь, но мне всегда нравилась твоя еда, даже если она была сделана из всякой всячины!

Алексей вышел в зал, присел на диван, включил телевизор. На очередном политическом телешоу известный ведущий вновь и вновь цитировал слова президента, обращался к его интервью американскому журналисту. Внутри что-то подступило к сердцу, нарастающая тревожность заставила выключить надоевший экран. Мысли вернулись

к воспоминаниям того времени, когда он почти не отходил от телевизора и каждый свободный час с волнением ловил новую информацию о событиях в Москве. Тогда шёл 1993 год. Было о чём тревожиться. Он записывал в толстую тетрадь: «Всё свободное время не отхожу от телевизора. Москва сегодня и каждый день у меня в доме. Живая, реальная драма разворачивается на наших глазах, и от её исхода зависит наша жизнь. Ни город, ни область активности в политической борьбе особой не проявляют. И не потому, что кого-то боятся, просто ничего не понимают, что происходит в столице. Надо противостоять этому или принимать как есть, не вмешиваясь? Жизнь всюду идёт на бытовом уровне. Левая партия разгромлена, новые непонятно какие партийки ещё не набрали сил. Налицо деморализация. Бывшие активные коммунисты себя почти никак не проявляют. За многие годы административно-командной системы, с её жёсткой иерархией и деформированным понятием о демократии, они, как и весь простой народ, привыкли ждать решений и указаний от начальников сверху».

Алексей Васильевич полистал тетрадь, начал вспоминать конец девяностых годов и ту информацию, которую всё больше получал из разных источников, и сравнивать со своим новым временем начала двадцать первого века. Он тогда видел, что многие, судя по итогам референдума, ориентируются на Ельцина и ускоренные экономические реформы. Никто не подозревал, что в России повторяется сценарий Чили семидесятых—восьмидесятых годов, и те же самые «чикагские мальчишки», вместе с нашими молодыми либералами, готовят небольшую группу почти случайных людей, чтобы овладеть богатствами всей страны. Большинство народа всё-таки хотелось новой жизни. Они доверяли Егору Гайдару, внуку знаменитого детского писателя, молодым реформаторам и ждали реальных перемен. Многим в то время казалось, что к старому возврата нет.

«Мы в администрации, — писал Алексей Васильевич, — были сосредоточены на одном — обеспечить жизнедеятельность городского хозяйства и сохранить социальную сферу на нормальном уровне. Вопреки любой ситуации! Это было жизненно важно. Не партийные разборки и политическая активность помогут выжить, а именно умная хозяйственная и социальная работа всего аппарата, сплотившегося в единую команду».

Алексей Васильевич встал с дивана, отбросил пульт на стол. Подошёл к окну. Солнце, прячась за горизонт, бросало на низкие протяжённые облака багровый свет, который на глазах менялся в очертаниях и угасал. В окнах многоэтажных домов всё больше загорались лампы и оживляли стущавшуюся темноту улицы. Громов продолжал вспоминать недавние события.

Администрации, ставшей тогда в одночасье беспартийной, удалось сохранить район и его промышленный центр. В то время стали активно использовать такую форму подготовки решений, как программы по реализации разных проблемных вопросов. До этого времени вся работа строилась на основе текущих и перспективных планов. При разработке программ во главу угла ставилась какая-то большая идея или важная цель. Проекты документов готовили сотрудники отделов, потом выносили на обсуждение комиссий. В то время страна находилась в «межзаконье», то есть старые законы уже не исполнялись, а новые ещё не приняты. Решением районного Совета депутатов эти документы получали хотя и не прочное, но всё же законное основание на уровне местного самоуправления. Всё получалось взвешенно и конкретно в тех условиях. Всем, кто участвовал в этом, становилось интереснее работать, появилось желание развивать первоначальные замыслы. Старались решить в первую очередь самые насущные проблемы жизни района. Одной из первых разработали программу социальной поддержки населения. В неё входили разделы передачи здания бывшего общежития под дом престарелых и одинокого граждан, его капитальный ремонт с установкой лифта, создание службы медицинской реабилитации и поддержания здоровья. Здесь задумали разместить совет ветеранов войны и труда, пункт приёма и обработки одежды и обуви от населения для передачи их нуждающимся в помощи людям. И такая программа была осуществлена. Всё это казалось необычным после размеренной и в меру обеспеченной жизни пенсионеров.

Ещё мало кто думал, что рыночная экономика перевернёт жизнь каждого до основания, и никто не понимал, не верил, что начался возврат к тому состоянию, против которого смертельно дрались когда-то рабочие. Народ никак себя не проявлял, ждал помощи от государства и местной власти.

Аналогичные программы разрабатывались для развития культуры, образования, здравоохранения и спорта. Создавались не просто команды исполнителей по служебным обязанностям, а думающие и ответственные коллективы, в которых каждый мог вносить и отстаивать свои идеи. От стихийной демократии в управлении районом стали переходить к более осмысленным действиям. Районный Совет избирался всеми партиями и группами населения. На сессиях и в комиссиях депутаты много спорили. Особенно активными были те, кто всплыл на волне событий последних лет. Им надо было кого-то убирать, увольнять, они предлагали немислимые вещи, вмешивались в работу, скажем прямо, профессиональную, администрации. Но более опытная и мудрая часть депутатов, сохраняя разумный консерватизм,

умела гасить пустые намерения таких активистов, могла спокойно доказать и объяснить коллегам необходимость тех или иных своих предложений.

Алексей Васильевич вспоминал это с горечью в душе. Трудовых коллективов осталось немного, да и назвать их коллективами в новых рыночных условиях, без развитых общественных организаций, действенных профсоюзов, можно было с большой натяжкой. Главы района больше воплощали в себе функцию первых чиновников, но не прообраз «отцов» района с отеческим вниманием и заботой обо всех, независимо от социального положения и материального состояния людей.

Вот и в поведении нового главы и его спутников он интуитивно почувствовал не просто начальственный напор, властность и эгоизм, но что-то знакомое из прошлого, что выросло в тупую и жёсткую силу. Это было существенно для его окружения, прошедшего школу былой власти, её общественные институты. Те слова, которые произносил не единожды Горбачёв: «социализм с человеческим лицом», — вызывали усмешку у тех, кто их вспоминал, но все понимали, что сейчас не хватает именно такого состояния общества, о котором можно было бы сказать, что оно с «человеческим лицом». Общество стало отходить от своих главных достоинств, заложенных в идее христианства: человечности, доброты, чувства справедливости, равного отношения ко всем. Но многие понимали, что так не должно быть, что это не наше родное, что мы другие. Мы крепче связаны друг с другом глубинными традициями, моралью предков, мы духовные по своей сути. Может, потому мы верили в коммунизм, что в основные его идеи были заложены почти все те же принципы.

Громов встал, подошёл к окну, посмотрел на тёмную улицу, размытые пятна света от плафонов. Небо, закрытое чёрным плотным покровом густых облаков, неприятно давило сверху. Только огни в оконных рамах домов как бы напоминали, что жизнь продолжается и обязательно наступит светлое утро.

Море тайги

Устав от размышлений и попыток осмыслить, что происходит, Громов решил уйти в лес, на природу. На пароме Алексей Васильевич переправился через широкую реку. День только занимался. Солнце медленно выплывало над краем равнины. Вдруг его ослепил всплеск энергии, яркое солнечное проникновение во всё живое, пробуждающееся ото сна и ночной дрёмы. Он почувствовал прилив энергии, будто кто-то приподнимает тело над землёй и подталкивает вперёд, на правый берег, границу густого леса — предвестие таёжного царства.

Громов шёл от реки в глубь тайги один. Километра три под ногами небольшими зигзагами

виляла утоптанная тропа. Высокие деревья всё плотнее обступали с обеих сторон. Он прошёл большую рощу вековых стройных осин с толстыми жёлтыми стволами, свободными от ветвей почти на половину своего роста. Тропа стала теряться в траве, её можно было различить только по светлой старой просеке, засеянной мелкоколесьем. Здесь ещё встречались небольшие поляны с высокими цветущими пучками. Их бывалые люди называют борщевиками и предупреждают, что растение опасно для человека. Алексей знал, какие виды борщевика опасны, а какие приносят пользу. Высокие стебли пучки всегда привлекали мальчишек как лесное лакомство. Но Алёша им в детстве не увлеклся, зная о пагубных свойствах некоторых его видов.

Он не торопился, часто останавливался и разглядывал, наклонившись, какие-то растения. Часто попадались лечебные травы и кусты, которые обойти не мог и доставал небольшой нож, чтобы срезать какие-то из них или выкопать корень. Полезное само по себе растение становится таковым для человека, если он разбирается в нём, знает лечебные свойства.

Иногда просека терялась на широких полянах, заросших густой травой. Редкими кустами с широкими листьями и пышными цветущими бутонами на полянах встречался марьин корень. Он привлекал внимание ещё и семенами, которыми мальчишки стреляют изо рта через трубку пучки. На городских клумбах его называют пионом. Хороший заменитель, скорее, основа содержимого многих красивых аптечных коробочек. Не столь часто, но путнику встречались жёлтые цветочки володушки. Среди замшелых камней они улыбались человеку своим солнечным цветом. Редко, но встречался бадан с его широкими, как у фикуса, листьями. Попадались и кусты левзеи с её нежно-фиолетовыми цветками. Алексей знал все эти растения и внимательно относился к таёжной аптеке. Помнил, как его родители собирали в лесу лекарственные травы и порой лечили детей от разных болезней. Смешно было вспоминать аптеки с их скромным товаром того времени. Он осторожно брал нужный вид растения или его корень, заворачивал в бумагу или чистую тряпицу, которые специально брал с собой. Другим он не рассказывал о своём увлечении, но когда узнавал, что кто-то из них заболел или поранился, приносил к ним домой сухие корни и стебельки или маленькую бутылочку с настоем.

Пройдя светлое и широкое поле, Алексей вновь оказался на поросшей мелкоколесьем просеке, где можно было ощутить подобие тропы. Она уходила в тёмное пространство густого леса. Начиналась настоящая хвойная тайга. Высокие ели, кряжистые сосны и кедры на открытых местах, стройные — в тесном единении на больших предгорных

пространствах, они прятали от глаз тропу, где замшелые участки с редкой травой и кустами позволяли ориентироваться только по интуиции или компасу. Иногда встречались свежие буреломы. Тогда приходилось обходить поваленные и выкорчеванные исполинской силой ветра деревья. Непросто было преодолеть плотное переплетение могучих корней с землёй и толстые надломленные ветви. Приходилось ползком пробираться по мху и развороченному чернозёму.

Вот он поднялся на едва заметную вершину длинного, освещённого солнцем, чистого от леса хребта—водораздела двух разбегающихся книзу горных речек-ручьёв. Громов хорошо знал: стоит ему по неосторожности свернуть в сторону противоположного ручья, как он начнёт незаметно спускаться совсем в другом направлении и заблудится в тайге на несколько дней, пока твёрдо не возьмёт в руки компас и не свернёт в нужном направлении. Такое уже было раньше по неопытности. Не сбиться в пути на вершине водораздела могли только опытные охотники или такие любители природы, как Алексей. Он знал эти места и знал, куда идёт. Впереди перед ним встала невысокая, чуть выше макушек самых высоких стволов, с плоской, как столешница, вершиной, длинная гранитная скала. Природа воздвигла этот пьедестал, видно, специально. С его вершины редким путешественникам удавалось видеть в натуре живую песнь тайги. Узкая расщелина с обломками камней вела наверх. Алексей осторожно ступал по осыпающимся бесформенным ступеням, с трудом поднимаясь наверх, пока не достиг плоской поверхности скалы. Сердце вдруг учащённо забилося, появилась необычная лёгкость в ногах. Он расставил широко руки, будто крылья большой птицы, произвольно провёл ими по кругу зелёного поля. Вдруг песня, которую он с друзьями раньше часто пел и слышал по радио, вырвалась из груди:

Главное, ребята,
Сердцем не стареть,
Песню, что придумали,
До конца допеть.
В дальний путь собрались мы,
А в этот край таёжный
Только самолётом,
Можно долететь.
А ты улетающий вдаль самолёт
В сердце своём сбереги.
Под крылом самолёта о чём-то поёт,
Зелёное море тайги.

Песня Пахмутовой, Гребенникова и Добронравова больше походила на молодёжный гимн, торжество преодоления. Теперь Громов был далёк от мысли что-то покорять. Вся жизнь его нашла новый смысл: сохранять, умножать, жить одной жизнью с природой.

Алексей всё больше видел вокруг не зелёные волны на «море тайги», а ровное голубое пространство. Чем дальше взор уходил к горизонту, тем больше менялся цвет таёжного поля: с зелёного вблизи на голубой цвет где-то в середине пространства и далее—на тёмно-синий. Может, ему это казалось, но о таком впечатлении он и рассказывал друзьям.

Власть

Опасное это дело—власть. Кому-то голову кружит, как от наркотика, кто-то видит в этом смысл жизни. Теряется всякий контроль, кажется, что ты на седьмом небе, недосыпаем и велик, как Бог. Поймёшь свою ошибку, когда «упадёшь с неба» на острые камни и принесёшь душевную травму и несчастья не только себе, своему окружению, но и большому количеству людей, далёких от этой власти. Как закончит свою карьеру Георгий Георгиевич, мы не знаем. Так же, как Земля крутится в одну сторону, так и наш герой сам выбрал направление и идёт в сторону своих одержимых замыслов. Только мы знаем, что все деяния людей, особенно чиновников, скоротечны, значит, будет и финал, по которому избиратели сделают свои выводы о ценности всех действий главы района. Постараемся быть объективными, чтобы наши, вероятно, неточные представления о нём не завели нас самих в тупик. То есть, чтобы мы не говорили неправду. Смена власти всегда несёт непредсказуемые последствия. Они могут быть движением вперёд, если власть попадает в руки честных энергичных людей, или падением в пропасть, если овладевают властью проходимцы, безграмотные честолюбцы и корыстные руководители. Разглядеть заранее варианты такой перспективы совсем не просто в бурном потоке перемен, с появлением новых напористых лидеров и всяких «умников» с «новым мышлением». Народ бы рад был видеть их настоящий ум и волю. Но—увы! Плоды их деятельности потом болезненно преодолевают все вокруг, и не один год. Так что власть, вначале такая доступная и, казалось, понятная простому человеку, активисту, умелому оратору или партийному организатору, становится по своей опасности и последствиям на уровень локальной войны.

Георгий Георгиевич верно оценил запущенное состояние районного хозяйства и негативное отношение к этому народа. Невооружённым глазом было видно, что многое находится в упадке и что исполнители не рвутся в бой, не пытаются «пошевелить пальцем» и тем более—«мозгами», чтобы навести порядок. Было это похоже на авгиевы конюшни? Совсем нет! Уровень другой. Основа жизни была более обеспеченной и культурной, чтобы вот так опуститься. На этом фоне даже мелкие проблемы напрягали население района

и главного города. И они выставляли требования к руководству района с высоты своих заслуженных представлений. Помните, как поступил Георгий Георгиевич с руководителем коммунального предприятия? Точно так он начал действовать по всему зримому кругу проблем. Как известно, действие равно противодействию, и глава сразу это почувствовал. Но он был готов к этому. На первых порах нерастратенная энергия и свежий взгляд на вещи помогали налаживать порядок в хозяйстве.

Улицы становились чище, деревья вовремя обрезают, приводились в порядок дороги и тротуары. В главном городе района на автобусах появились оптимистичные надписи: «Город становится лучше!» Ему помогала и партийная принадлежность. Он был не просто членом правящей партии, но и её негласным вождем в том ограниченном пространстве, которое представлял район. Почему, спросите вы, негласным? Да потому, что «гласного» лидера партийной организации района «выбирали» из числа партийных активистов. Но делалось это строго по согласованию с главой в узком кругу или по его личному указанию. Новый партийный руководитель местного отделения из активистов, конечно, согласовывал все свои действия с покровителем и выполнял все его пожелания, то есть не мог считать себя полноценным лидером организации. Выглядело всё демократично и «по-товарищески». Но не всякий активист обманывался на этот счёт. Такие кандидаты на роль партийного руководителя районной ячейки участвовали в сомнительном процессе из соображений партийной дисциплины или боязни быть отстранёнными от всякой активной работы. Другими словами, начинали слепо идти к тем самым классическим «граблям», на которые уже наступили старшие поколения. Не будем же мы «читать мораль» молодым, лучше понаблюдаем за их работой со стороны.

Через несколько месяцев бурной деятельности глава пригласил в кабинет главного архитектора. — Игорь Владимирович, я думаю, что нам надо включиться в борьбу за проект обустройства озёр на федеральном конкурсе. Своих денег у нас нет на это дело, предварительные расчёты показали, что надо около ста миллионов рублей, а здесь как раз победитель получит эти сто миллионов. Дело за малым — надо выиграть! Садитесь и дорабатывайте наше предложение, поедете сами защищать его.

С особым рвением глава взялся за благоустройство набережной, создание детских игровых и спортивных площадок в микрорайонах города и посёлках. Его острый глаз замечал все промахи коммунальных служб, ошибки в работе учреждений культуры и спорта. Георгий Георгиевич старался точными указаниями и приказами менять ситуацию.

Люди смотрели на его дела с недоверием. И причина была. Он продолжал перемещать кадры

вопреки здравому смыслу. Отстранял умных, но строптивых сотрудников или специалистов муниципальных предприятий, отстаивающих своё мнение. Вместо них появлялись «деятельные» фигуры, которые вскоре вызывали недоумение или смех в районе. Многим было непонятно его упорство. Как бывший инженер, технический специалист, Георгий Георгиевич верно ориентировался в вопросах хозяйственной политики, видел узкие места, на которые надо было в первую очередь определить финансирование и организовать работы. Но когда дело доходило до поручений, подбора кадров для решения возникших задач, трудно было понять, как он думал и какие критерии держал в уме. С кадрами чаще всего был промах. И те, кто остался от прежней команды, начинали понимать, что всё дело в его характере, воспитанном на каких-то своих примерах.

Пожалуй, главный вопрос большого руководителя, о котором он не признается даже верным помощникам и соратникам, — вопрос о надёжности собственной власти. Как сохранить её, строптивую? Как воспрепятствовать активистам из оппозиции обезопасить себя от «слишком умной» группы коренных горожан, бывших недавно у руля и в политике? Здесь нельзя терять бдительности. Неплохо бы их включить в круг своих исполнителей, обременить общими проблемами и показывать народу, что у тебя есть поддержка активной и авторитетной части жителей, пользующейся уважением и доверием.

«Но делать это надо осторожно, — думал Георгий Георгиевич, — чтобы не обратить против себя их активность. Мы будем предлагать им вторые роли, где они бы не смогли прямо или завуалированно командовать нашими кадрами. А самых „строптивых“ или всяких „умников“ близко нельзя подпускать, только палки в колёса будут вставлять».

Как превратна политика, как слепы и глухи её активные деятели, увлечённые своей страстью руководить, командовать, повелевать, быть самыми умными и авторитетными, срывать у фортуны мгновения славы. Сколько тысяч, миллионов одержимых властью мужей сжигали свою жизнь и гибли ради призрачных и временных благ, пусть не материальных, но честолюбивых, испепеляющих волю и сознание, искажающих понимание реальной жизни. Но никто не в силах остановить их, образумить. Всё заложено в природе человека и слепом восприятии того влияния, которое исходит от порока других людей, поверхностного чтения лёгкой литературы, привлекательности мнимых ценностей. Добро и зло селится в душу изначально, от рождения. Кто или что окажется сильнее в борьбе духовных сил, определит время. Дьявольские объятия держат свою жертву мёртвой хваткой и направляют её по своему испытанному

пути. Религия уже бессильна повлиять на большинство человеческого сообщества, ему нужны новые силы и новые идеи.

В голове Громова сталкивались и разбивались отрывочные воспоминания из прочитанного, советы друзей и родителей, отрывки философских умозаключений древних мудрецов, цитаты из «правильной» учебной литературы и наставлений вождей. Это походило условно на броуновское движение духовных зарядов. И где истина в том хаосе знаний и опыта, он определить не мог.

«Цивилизованная, или „правильная“, власть требует в свои ряды и цивилизованных героев, воспитанных, грамотных, волевых и решительных, смелых духом, но с божеской душой, — думал он. — Чем меньше человек знает, тем больше ему кажется, что он прав, тем безрассуднее он склоняется к сомнительным решениям, давно отвергнутым жизнью и примером деятельных „героев“ прошлого. Он всегда готов начинать сначала, полагая, что идёт оригинальным путём, что это именно ему пришло на ум и никто здесь ещё не „обжигался“ или не заходил в тупик».

В памяти Алексея всплывали страницы жизни римского консула и диктатора Суллы, описанной Плутархом. Плаксивый мальчик, достигший в зрелые годы верховной власти, он залил Рим кровью своих сограждан. Плутарх задаёт себе вопрос: как же такое могло случиться?

«Счастье ли колеблет и меняет человеческую природу, или, что вернее, полновластье делает явными глубоко спрятанные пороки?»

Светлана Алексеевна писала книгу по истории школьного образования в районе. Изучая биографии самых выдающихся педагогов России, она обратила внимание на их странные судьбы. Чем выше поднимались народные учителя в своих достижениях, как практических, так и научных, тем несправедливее власть относилась к ним лично. Отстраняла от работы, преследовала, запрещала передовую деятельность школ и училищ. Она решила посоветоваться с Алексеем Васильевичем. — Алексей, ты же много занимался организацией образования детей в районе. Почему до революции преследовали самых выдающихся народных учителей? Даже Л. Н. Толстого не миновала эта участь. — Можешь не поверить, но я тоже думал над этим. Действительно, такие корифеи образования, как Дмитрий Ушинский, Пётр Каптерев, Николай Пирогов, Антон Макаренко, в разные годы ощутили на себе жёсткую руку правителей, в той или иной мере подверглись притеснениям. И здесь возникает вопрос: а какая она — эта власть? Думаю, что виноваты не учителя, а те, кого поставили ими руководить. Кругозор начальников, их личная просвещённость оказывались ниже уровня интеллекта, профессиональных знаний и воспитанности самих учителей. Потому они

держались за старое, ими правили предрассудки, а не желание понять передовую мысль или метод. Что самое интересное, у «начальников» было своё казённое представление о человеке, о ребёнке. Они пытались достигать успеха не любовью к детям, попыткой их понимать, а навязыванием своих недалёких мыслей и бездушных схем. В этом беда любой власти. Невежество правит бал, когда ему позволяют. Самонадеянность — первый признак слабого и безграмотного ума. Головами таких «вершителей» судеб история, как правило, готовит свой поворот. Она (природа, история) уже всё увидела, просчитала и разворачивает события по своему объективному пути. Глупые и слепые «вершители» жизни, которую они старательно делают по своему собственному особому представлению, оказываются раздавленными самой жизнью и выветрены из памяти народной. Откуда берутся такие особи, спросишь ты? Думаю, что их назначение на высокие должности идёт по признакам первородства или кумовства, а не личных достоинств.

Светлана Алексеевна остановила мужа:

— Алексей, я всё поняла, согласна с тобой, могла бы добавить и по событиям в районе периода тридцатых — пятидесятых годов. Я о них буду писать.

Алексея Васильевича взволновал этот вопрос. Он всегда болезненно относился к несправедливости, особенно когда это касалось известных, грамотных и любимых в народе подвижников или близких по работе коллег.

Потомкам это надо?

Ещё недавно маленький районный город, где построили важное для страны предприятие, быстро рос и хорошел. Почти ежемесячно появлялись красивые коробки новых панельных домов, детские сады и школы. Возвели несколько оригинальных по архитектуре зданий, которые стали привлекательными доминантами в общем облике города. Но чего-то ощутимо не хватало. Самый главный, тогда ещё политический, руководитель районного центра догадался, что городу не хватает духовности, у него нет своей истории из-за малого возраста, нет церкви, о которой запрещалось мечтать, где духовность стоит во главе её служения. А политинформации, разные собрания и даже большие яркие праздники не могли восполнить пробел. Тогда и начали создавать музеи, ставить памятники и открывать всякие «умные» внешкольные заведения для детей.

Многие горожане приложили свои силы и ум, безо всяких материальных выгод, чтобы всё это появилось и заработало сполна. Так, основали музей истории района. И оказалось, что у горожан много есть того, из чего складывается историческая память. Музей заговорил языком документов и предметов прошлого, так называемых артефактов.

Город начал выходить из своего младенческого возраста не только по календарю, но и по уровню осознания себя в общем для страны жизненном пространстве. Мудрым всё-таки был великий римлянин Цицерон. Не случайно он как-то сказал, что не знать историю — значит всегда быть ребёнком. Но эта мудрость чаще не приходит в молодости. Вначале жизнь испытывает тебя на прочность, на способность быть полезным, не хватает времени на чтение, даже осмысление того состояния, в котором находишься. И пролетают годы. Вдруг наступает момент, когда начинаешь думать: а как жили отцы и матери, как жили и чего достигли родственники, давние друзья? Мысль переходит на малую родину, на страну. Вчера ещё ты общался со многими активистами, ходил с ними на разные мероприятия, праздники, отмечал юбилейные даты, имел много друзей и коллег, знал их семьи, а сегодня их нет. В силу своего возраста и здоровья ты оказался где-то в новом времени. Нет тех предприятий, нет той бурной целеустремлённой жизни, сняты лозунги и портреты, стёрта память. Плотным покровом десятилетий начинаю скрываться многие тайны, важные для потомков истории, значимые лица и судьбы. Время всё больше походит на калейдоскоп, в многоцветном отражении которого даты и события сливаются в один маленький пёстрый круг. Кажется, что многое в череде событий произошло только вчера, год-два назад. Только при умственном напряжении вдруг понимаешь, что это было пять-десять лет до настоящего дня. Всё как в теории относительности. При быстром движении время на часах путешественника сокращается, а в точке убытия растёт. Пытливому и неравнодушному человеку открываются страницы прошлого, находятся ответы на тяготившие вопросы, начинает складываться история твоей и окружающей жизни. Она до поры до времени остаётся в твоей голове, нужны усилия, чтобы глубже осмыслить, собрать воедино отрывочные сведения, соткать нить истории. И ты осознаёшь, что нельзя вот так просто отложить в письменный ящик стола то, что знаешь, чем жили ты и твои друзья, коллеги, да и целое государство. Нельзя всё забыть. И тех улыбающихся, сильных и волевых людей, кто строил город и предприятия, кто, жертвуя своим временем и здоровьем, занимался воспитанием молодёжи, помогал им стать гражданами великой страны. Кто на почти невидимом фронте, в тиши палат и лабораторий, спасал жизни своих сограждан, кто веселил нас, поднимал душевный настрой и вдохновлял на добрые дела. И тогда всё накопленное трудом исследователя должно лечь на стол музейных специалистов для создания экспозиций, написания исторических справок и брошюр. И всё это в конечном счёте разойдётся в среде любознательных потомков. Музей сыграет свою роль.

Конец двадцатого века мало оставлял иллюзий. Правда без прикрас, пропагандистских теорий, пиар-компаний и другой мишуры овладевала душами людей. И музеи, как частица этой исторической правды, входили в жизнь, обогащали их сознание. Властям оставалось только поддерживать их кадрами да некоторыми средствами. За короткое время пытливые работники музея и краеведы Приреченска открыли столько исторических тайн, что возраст молодого районного города вырос до четырёх столетий. В его анналы стала органически проникать спрятанная за грифом «Секретно, особая папка» хроника Большой земли, к которой они были причастны. Она обогащала значимость местного пространства, связывала местные события с историей страны, высвечивала неизвестные ранее подвиги первопроходцев. Воскресали из небытия люди, оживали во времени исчезающие деревни, прояснялись и всё большее значение обретали неизвестные географические точки на картах. Жизнь обогащалась новым содержанием.

Музеи — особая часть большой культуры. Здесь покоится дух предков. Он передаёт из поколения в поколение непрерывно меняющийся облик эпох. Так сохраняется линия жизни, создаётся духовная опора молодым поколениям.

...Светлана Алексеевна и другие приглашённые не спешили занять места в небольшом холле районного музея, где намечалась презентация краеведческого исследования о неизвестных ранее подвигах ветеранов войны. Аудитория наполнялась людьми, которых недавно стали также называть ветеранами, только не войны, а труда. Спокойно, не торопясь, они занимали места на подставных стульях. Женщины при встрече с хорошими знакомыми обнимались и прикасались щеками друг к другу. Мужчины вежливо жали друг другу руки. Присев на стулья, они о чём-то тихо разговаривали или рассматривали планшеты с фотографиями на стенах и экспонаты на подставках. Самыми любознательными здесь оказались учителя, несколько работников библиотек, слушатели народного университета и члены литературного объединения. Пришли несколько родственников известных участников войны. Когда в зале не осталось свободных мест, экскурсоводы принесли из соседних помещений ещё с десяток стульев. Последней вошла в зал председатель комитета по культуре и молодёжной политике Мария Ивановна Батыгина и села на охраняемое сотрудниками музея свободное место в первом ряду. Её шерстяное платье свободного кроя в пол в стиле «бохо» прикрывало модные белые туфли. По всему видно было, что начальница от культуры придавала большое значение своему внешнему виду. Стильная стрижка густых каштановых волос в форме удлинённого каре

подчёркивала её приверженность моде. Для незамужней женщины «за тридцать» это существенно. Недостаток образования и пробелы в воспитании заметно снижали её привлекательность, как только она начинала говорить. Да и платье в пол на деловой встрече вызвало некоторое смущение женщин: Может, она спешит на какое-то торжество, мелькнуло у некоторых в голове. Они не ошиблись.

Светлана Алексеевна с волнением рассказала о том, как ей удалось по именам участников войны найти в интернете и архивах министерства обороны материалы об их боевых действиях, ранее неизвестных наградных листах, о которых военные архивы многие годы хранили тайну. Известные ветераны, чьи имена закрепились на памятниках мемориальной аллее за городом, как бы оживали. Открывались такие страницы их боевой жизни, правда и значимость общего подвига, которые ставили их на новый уровень почёта. Через какое-то время, пока Светлана Алексеевна вела рассказ, на лицах участников презентации появились слёзы. Первому ведущая предоставила слово заслуженному ветерану главного предприятия, завсегдатаю музея Евгению Ивановичу.

— Друзья! Светлана Алексеевна представила нам ту работу, которую мы ожидали от наших историков-учителей, военного комиссариата, оборонных общественных организаций при поддержке районных властей. Но всё было сделано вот этой скромной, любознательной женщиной, неравнодушной к людям и нашей общей истории. Родственники ветеранов, о которых она поведала, вдвойне благодарны ей, я это вижу по их глазам. Я также замечая волнение работников музея истории, которые помогали автору исследования архивными документами, фотографиями, собственным участием в экспедициях по сёлам и городам района. Спасибо всем!

— А теперь я приглашаю выступить уважаемую Марию Ивановну— председателя комитета по делам культуры нашего района,— объявила ведущая.

Мария Ивановна резким движением, едва не уронив стул, стремительно заняла место у микрофона. Она не утруждала себя изложением каких-то «смыслов» в понятиях культуры, твёрдо знала установки своего шефа и его административную силу. Но всё-таки модное слово «смысл» вставляла в речь, что заставляло слушателей напрягать сознание. Грамотные люди пытались расшевелить нейроны головного мозга, напряжённо морщили лоб, чтобы хоть как-то связать «умное» слово с его с настоящим смыслом. Чувствуя свою административную власть, начальница от культуры приступала к делу обычно без предисловий.

— Так, здравствуйте! Извините, я спешу на торжественное открытие музыкального фестиваля, потому скажу коротко. Опять «культура» виновата; администрация, поищите ещё кого,— бросила

она обвинение в адрес Муромцева.— Светлана Алексеевна, конечно, сделала большую работу, и спасибо ей. Музею надо ещё активнее заниматься историей, искать смыслы в своей работе, привлекать шире активистов. Ваш бюджет небольшой. Но я вижу, что здесь много тех, кто готов работать, как говорят, по зову души и не ожидает материальных поощрений. Глава города Георгий Георгиевич дал задание учреждениям культуры готовиться к юбилею Победы, глубже проникнуть в смыслы великого события, организовать шествие «Бессмертного полка». Думаю, что вы все откликнетесь на его предложение. Последнее время мне не дают прохода местные поэты, хотя издать сборник стихов за счёт администрации. Выбирайте главное: праздник, День Победы, или стишки. Да кто читает их книжки?

Заметим, что Мария Ивановна здесь допустила большой промах как руководитель главного учреждения культуры. Стихи местных поэтов («стишки») были изданы множественным тиражом, по нескольку названий от каждого автора, они размещены в электронном варианте на сайте библиотеки. По статистической ссылке каждый читатель мог видеть, что они пользуются большим спросом. Новый сборник авторы литературного объединения готовили на тему о Великой Отечественной войне и придавали этому особое значение.

«Университеты» Марии Ивановны

Далее председатель комитета по культуре сделала несколько замечаний сотрудникам музея и с мрачным лицом вернулась на своё почётное место. За ней внимательно наблюдала худенькая женщина с аккуратно прибранными в тугой узел на затылке поседевшими волосами. На плечи была наброшена серая вязаная кофта. По движениям головы женщины было заметно, что она старается остаться незамеченной со стороны выступающих.

Это была слушательница университета старшего возраста, бывшая воспитательница в детском комбинате Татьяна Филипповна. Коллеги называли её просто—Таня. В девяностые годы, оставшись без работы, когда детские учреждения стали терять детей из-за проблем с оплатой и учреждения передавались в аренду предпринимателям или продавались, она стала ездить на китайские рынки в роли «челнока». Смутное было время. Потерявшие работу инженеры, служащие, рабочие бросились пробовать себя в мелком бизнесе. Кто-то пытался вложить свои ваучеры во многие вдруг возникшие фонды: кто—в какой-то «Хопёр-инвест», кто-то—в нефтегазовую компанию, а кто и прямо в акции Сбербанка. Деньги «инвесторов» и ваучеры, как они говорили потом, растворились в «тумане моря голубом», а может, и в яхтах так называемых олигархов на многих тёплых морях. Скоро доверчивые россияне поняли, что навсегда

потеряли свои гроши и надо выплывать, надеясь только на свои силы и голову. Так поступила и наша героиня. Навив дешёвыми товарами на китайских рынках и в бюджетных магазинах две объёмистые клетчатые сумки-баулы, Татьяна Филипповна везла их на стихийные базарчики в областной центр. Как-то на таможне она познакомилась с двумя женщинами, одной из которых и была Маша Батыгина. На глазах Татьяны молодая женщина, среднего роста, плотного телосложения, с длинными и густыми каштановыми волосами, свободно и быстро находила нужные рынки и дешёвые магазины, быстро наполняла свои баулы дешёвым и непритязательным товаром и возвращалась в родной город. За время поездок в переполненных поездах и тесных автобусах, в долгих ожиданиях проверок на таможне, стычках с ловкими торговцами Маша обрела напористый, нельзя сказать, что терпеливый и уважительный, характер, который помогал ей пробиваться сквозь искусственные преграды и «наезды» дельцов. Могла охладить пыл противников крепким русским словом. В её лексиконе закрепилось много чего такого, что было на устах обедневшего, брошенного на произвол судьбы и обозлённого народа. Если кто начинал изображать из себя Демосфена или Цицерона, сразу посылала подалше—как она говорила, «гусей пасти». Словом, закалка характера была под стать времени.

Два года женщины «челночили». Они вместе пересекали российско-китайскую границу, наполняли баулы пахнущими то ли мочой, то ли навозом кожаными куртками, более привлекательными пуховиками, прочим бытовым «добром». Испытали льстивые и театральные подходы мошенников, натиск грубых приставал, несправедливость бюрократов, равнодушие и корысть тех, кто обязан защищать. Обнищавший народ на приспособленных примитивных рынках скупал всё сполна, пока не обнаружил конкурентную, более качественную продукцию из Турции. Прошли наши «челноки» и по турецким базарам, лавкам, побегали по улицам Стамбула, даже побывали в соборе-музее Святой Софии. Может, дух древней Византии сказался, может, они ещё помнили что-то про княгиню Ольгу, первой из Руси крестившуюся в этих местах, но вдруг им стало не по себе, беспокойство овладело ими, некто мистический выталкивал их на родину. Они сидели под тентом маленького кафе, пробовали жареные каштаны и смотрели на волны красных тюльпанов вдоль длинной каменной стены. Татьяна взглянула задумчиво на спутниц и тихо, но решительно сказала: «Всё, девочки, хватит, я поеду искать постоянную работу. Всё вокруг не наше, никакой пользы от этого ни сердцу, ни карману. Душа болит по родным местам, да и в России стало спокойнее». В областном центре они расстались

навсегда, хлопнув по ладошкам друг друга, как это делают молодые люди. Разъехались в разные стороны, не оставили ни телефонов, ни адресов. И вот—неожиданная встреча...

На следующий день заплаканная ведущая музейного мероприятия по телефону, всхлипывая, сообщила, что она получила грубый выговор от председателя комитета по культуре за несоблюдение протокола. Что это такое—протокол, Светлана Алексеевна долго не могла понять, пока ей не объяснили сведущие люди. Оказалось, что первой надо было дать слово начальнице от культуры, а только после неё—заслуженному ветерану главного предприятия. Протокол—дело важное! А как же с общей культурой, уважительностью к старшему поколению? Не значит ли это, что чиновники сами присвоили себе право первенства и строго охраняют его исполнение? Они наверняка не подумали: а что есть значимого в их собственной биографии, какие достижения, какие заслуги, уважение, заработанное трудом, кроме случайного вознесения на высокую должность? Вряд ли кто ответит полно на этот вопрос «Каждый судит по мере своей испорченности»,—говорили при встрече знакомые, шутя, вспоминая студенческие годы.

Культура—это не политика. Тонкая материя! Она ткётся веками из многих нитей. В ней вдохновение народа, высокий полёт души, внутренняя и внешняя красота, уважительность и оптимизм. Это и путеводная звезда по жизни для тех, кто ищет счастье. Так думал Алексей Васильевич Громов, послушав рассказ Светланы Алексеевны об этой встрече в музее.

Жизнь в лабиринтах

Муравьи. В один из ярких солнечных дней у своего садового домика Алексей долго разглядывал маленького муравья, панически ищущего вход в своё муравьиное гнездо, которое маленькие трудолюбивые создания образовали в песке под брусчаткой. До этого дня он с неистовством уничтожал их большие семьи, которые, создавая себе подземные апартаменты, выбрасывали на поверхность горки песка. Под поднятой плиткой он увидел несколько десятков муравьиных яиц. Пока он искал лопатку, чтобы убрать их, трудолюбивые обитатели гнезда мигом унесли всё своё будущее потомство на новое, неизвестное, место и сами исчезли. Алексей снял бейсболку, встряхнул рукой редкие посеребрённые волосы и, сидя на корточках, задумался.

Эти маленькие существа обладают сознанием, решают свои жизненные задачи, строят жильё, спасают потомство, трудятся не покладая быстрых ножек. В их крошечных головках, наверное, больше ума, чем у тех недорослей, что играют вечерами в карты на детской площадке, ругаются отборными матерными словами в присутствии

девочек, посылают «подальше» взрослых женщин, которые делают им замечания. Зачем я преследую этих невинных существ, изгоняю, уничтожаю, замуровываю входы в их собственную квартиру? Может, надо научиться жить вместе, научить их строить жильё в другом месте? Но нам ведь ни на что не хватает времени. Чтобы влиять грамотно, надо многое познать в их повадках, уделить внимание, пожертвовать чем-то своим, первостепенным. Надо везде успеть, надо бежать и бежать вперёд. Куда — вперёд? Кто знает, что именно «туда» надо бежать, обгоняя время? Ты даже не замечаешь, что стал «белкой в колесе», жмёшь и жмёшь на педаль. Кажется, что время становится всё быстрее и быстрее, пролетают в мгновение ока дни, недели, месяцы. На самом деле оно сжимается, замедляется, фокусируется в одной точке нашей памяти. И вот уже тебе не хватает дыхания, сердце учащённо бьётся, ноги становятся ватными, ты падаешь... А колесо жизни добивает тебя своим остаточным вращением.

Нет! Так невозможно. Алексей присел на складной матерчатый стульчик, огляделся вокруг и подумал: «Ну чем мы отличаемся от этих маленьких работяг? Что-то всю жизнь строим, производим потомство, создаём удобства для нормальной жизни, а нас в любой момент вот так могут прихлопнуть, как это пытаюсь сделать я. Пусть не физически. Человек жив душой. Если эту душу надломить, то и телу вскоре приходит конец».

Он встал, сложил стульчик в плоское положение и отправился в домик. Но остановить мысли о муравьях, воспоминания о своей жизни уже не мог. Он был человеком большой души. Молодость и лучшие зрелые годы Алексей увлечённо работал на предприятии, вносил рационализаторские предложения. Его не забыли, к юбилею вождя наградили медалью. Алексей верил, хотя и немного с юмором, в «светлое будущее», охотно выполнял общественные поручения, ратовал за своё могучее государство. Много позже, когда случился девяносто первый год, переживал, не мог понять, что происходит. Думал, что всё к лучшему. Наконец-то начнутся настоящие реформы, уйдём от бюрократизма, раскрепостим производство, побьём дефицит и загрузим полки магазинов; может, старенькую машину поменяем. Какой мужчина не мечтает о машине? Придумали же идеологи, что машина — роскошь. Конечно, если их выпускать поштучно, то они превращаются в эту искусственную роскошь.

Промолчал Алексей. Видел, что и другие только наблюдают. И куда боевая партия подевалась, и где её «руководящая и направляющая»? И куда этот генсек скрылся?

Видел Алексей Васильевич, а что не видел — нутром чувствовал, что народ молчит. Не просто молчит — огородился такой плотной духовной

стеной, которую не пробить, не поколебать. Есть какая-то сила в этом молчании. Раньше молчали как-то по-другому. Боялись власти, своих партийных секретарей, директоров предприятий. Были просто патриотами своей страны. Несмотря на всё — доверчивыми. Это ограничивало свободомыслие и возникающие вдруг сомнения в правильном курсе такой твёрдой, всюду проникновенной и влиятельной государственной и партийной власти. Простые люди ушли вперёд в своём духовном развитии, законно и справедливо ожидали разумных перемен, доказательства на деле того, что государство действительно служит интересам народа, а не каким-то абстрактным идеям и застарелым догмам. Многие изучали диалектический материализм в вузах, читали классиков и ещё помнили, что всё изменяется, вместе с этим объективным процессом должна меняться и реальная жизнь, отвечая на вызовы времени. И все вдруг увидели, поняли, что нет такой силы и ума, нет способных лидеров, которые смогли бы разморозить застывшее состояние, раскрепостить внутреннюю энергию народа, направить её в русло процветания всей большой страны.

А сейчас всеобщее молчание, уже на новой, более свободной основе, вдруг стало бумерангом, оружием против того искусственного, утопического и ложного, что вкладывалось в сознание народа десятилетиями. Закон о выборах в местные советы 1990 года, устранение шестой статьи Конституции СССР позволили голосовать на альтернативной основе. И всё стало всем понятно. Многие «авторитеты» монопольной партии остались за бортом. Народ проголосовал за тех, кому больше всего доверял.

Алексей в который уже раз вспомнил, как сидел трое суток у телевизора, с грустью наблюдал за «боевыми» речами «мудрецов» от ГКЧП. Ему казалось, что они встали поперёк дороги, чтобы остановить русскую тройку, ту самую «птицу-тройку», которую сами же и выдумали. Какие были прожекты, и столько было силы! Всё пошло прахом, мёртвого не воскресишь. «Ну и дуrolомы же», — подумал он, закрыл на замок дверь садового домика и пошёл домой.

...Кедры. Алексей возвращался с садового участка поздно вечером. Заходящее солнце на минуту появлялось между облаками и окончательно спряталось за горизонтом, осветив багровым пятном наступающие сумерки. Он зашёл во двор девятиэтажного кирпичного дома и присел на скамейку передохнуть, насладиться красотой заката. Перед ним стояла небольшая цепочка молодых кедров, саженцы которых в течение последних трёх лет приносил из густого векового леса на окраине садоводства. Он много раз замечал, что небольшие стаи кедровок прилетают в этот лес и, видимо, засеивают естественным образом пространство

между старыми соснами орешками кедра. Здесь стал появляться нежный, с длинными мягкими иголками, подрост. Чтобы вырастить кедровый саженец в условиях придомовой территории, надо многое знать и уметь. Алексей обладал необходимыми знаниями и с удовольствием высаживал маленькие саженцы, кропотливо ухаживал за ними, оберегал как мог, гордился тем, что он один осмелился заняться столь безнадёжным делом. Но кедры, на удивление соседей, подрастали, набирали силу и радовали своими длинными пушистыми иголками. Особенно много хлопот они доставляли Алексею в жаркую погоду. Приходилось часто приносить воду с пятого этажа, поливать, рыхлить вокруг, мульчировать почву, чтобы она не пересыхала быстро. Он даже приносил и подстилал мох с того места, где выкапывал подрост деревьев.

Алексей на время загляделся на закат. Это зрелище было переходным в его душе к новому состоянию, к обязательному возвращению солнца с другой стороны горизонта, к продолжению жизни, несмотря на временное исчезновение и наступления ночи. Это было мгновение того самого оптимизма, который внушает уверенность в возрождении, в победе над тьмой, в скором появлении чего-то нового или обновлённого. Но в этот раз всё повернуло в другую сторону, мрачную и безрадостную, словно в пропасть. Опустив взгляд на любимые деревца, он с ужасом увидел, что половина из них надломлена, некоторые стволы лежали макушками к земле, нижние ветви были скручены, и под ободранной корой белели их раны. Алексей резко выпрямился и бросился к деревцам. Он осторожно поднимал сломанные стволы, пытался вернуть их в прежнее положение, лихорадочно ощупывал карманы в поисках тряпицы или шнура, чтобы привязать, закрепить ствол или большую ветку. Он не заметил, как наступила темнота, только слабый свет от окон и редких плафонов на бетонных столбах освещал поруганные растения. Кто так смог это сделать? Зачем?

Он ползал на коленях вокруг своих питомцев, сердце стучало, руки не слушались, в голове бурей сменялись мысли о бесполезности своей работы, всепрощении, надежды на восстановление.

Раньше Алексей замечал, что сюда приезжали на велосипедах группы подростков из других домов, что однажды пьяный сосед с криком пытался вырвать деревце, что уборщикам территории не нравилась аллея, так как затрудняла быстроту стрижку травы. Значит, ты сделал что-то не так. Может, надо было собрать народ и высаживать деревья вместе, тогда бы и ответственность была общей, больше глаз наблюдали бы за их состоянием, меньше шансов было бы у вандалов поломать деревья?

Но он помнил, как неохотно некоторые соседи отнеслись к его затее, равнодушно выслушали и ободряюще похлопали по плечу, но надежды на участие не подали. Он понимал, что это непростое дело, надо знать и уметь обращаться с такими капризными саженцами, надо молча разговаривать с растением, подбадривать его в мыслях, внушать надежду на жизнь. Ведь оно, как и любое живое существо, чувствует, откликается, болеет, радуется. Это не фантазия. Пусть учёные глубже копаются в своих науках, тогда и увидят, что это так.

Алексей Васильевич устало присел на лавку и подумал: «Не помню, чтобы среди растений, даже самых необычных и удивительных, я видел что-то безобразное. Да и животные, даже самые страшные, украшены природной фантазией так, что выглядят привлекательно, а чаще красиво. А человек смотрится с двух сторон: внешней и внутренней — духовной. Почему-то природа духовную часть разделила на два противоположных состояния. В одном красуется добро, в другом ожесточается зло. И между ними вечная борьба. Что это за ребята, если они поломали деревья? Кто они? Тот пластилин, из которого лепят человека или хищное животное? Может, и так. А лепят-то взрослые. Значит, мы сами виноваты: родители, учителя, наставники. Да и власть не совсем сбоку. Как она организует воспитание в масштабах района, города, страны? Какие несёт ценности, какой пример показывает? На кого обижаться?»

Алексей оглянулся. Двор был пуст.

«Нет, — подумал он, — завтра же начну искать виновных, это не так сложно. Среди детей тоже разные бывают. Попробую понять их...»

Окончание следует